

RU

Легенда о Стратонике: мифологический аспект

Гусева А. С., Сивкина Н. Ю.

Аннотация. Цель исследования – проанализировать известный эпизод о замужестве Стратоники, сначала жены Селевка I, а затем его сына Антиоха, в контексте политики консолидации общества, проводимой Селевком Никатором, и выяснить причины, повлиявшие на закрепившуюся в источниках традицию описания этого инцидента. Научная новизна исследования состоит в том, что данная история рассматривается как искусственно созданный миф, вобравший в себя представления об «умирающем и воскресающем боге». В результате исследования установлено, что в источниках описание предыстории второго брака Стратоники имеет сходство с популярными мифологическими сюжетами и ритуальными обрядами, что говорит об искусственном происхождении данной легенды. Решение Селевка о передаче своей жены сыну нуждалось в грамотном обосновании, и объяснение этого шага органично влилось в формирование мифа о самом правителе и членах его семьи.

EN

The legend of Stratonice: A mythological aspect

A. S. Guseva, N. Y. Sivkina

Abstract. The study aims to analyze the well-known episode of the marriage of Stratonice, the first wife of Seleucus I and then his son Antiochus, in the context of the policy of consolidating society conducted by Seleucus Nicator and to determine the reasons that influenced the established description of this incident in sources. The scientific novelty of the study lies in the fact that this story is considered as an artificially created myth that has absorbed representations of the “dying and resurrecting god”. As a result of the study, it was found that in the sources, the background of Stratonice’s second marriage is described similar to popular mythological plots and ritual practices, which suggests the artificial origin of this legend. Seleucus’s decision to give his wife to his son needed an intelligent justification, and the explanation of this step organically blended into the formation of the myth about the ruler himself and the members of his family.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена современными тенденциями исторической науки, проявляющимися в рассмотрении исторических личностей в контексте формирующихся вокруг них мифов. С древнейших времен огромную роль в восприятии образа монарха и его семьи играли исторические мифы. Сам термин «исторический миф» появился относительно недавно и затрагивает проблему восприятия истории прошлого, т. е. исторический миф – это отдельно взятое событие, произошедшее в определенный период времени и сохранившееся до наших дней, при этом часто направленное на политическую идеологию (Матвеева, 2019, с. 82). Данный тип мифов являет собой устойчивое представление о прошлом, созданное для усвоения большинством населения и основанное на изменённом, эмоционально окрашенном восприятии этого прошлого (Белов, 2018, с. 41). Это восприятие сознательно формируется монархом и его окружением для решения определенных политических задач, например, создания благоприятного образа правителя, обоснования его территориальных притязаний и т. п. (Белов, 2018, с. 42). Часто исторические мифы дополняют исторические события (Смирнова, Леонов, Кириллов, 2022, с. 81), поскольку формировались из-за отсутствия достоверных источников либо с целью рационального обоснования экстраординарных событий (Смирнова, Леонов, Кириллов, 2022, с. 88).

Актуальность выбранной темы связана с выяснением роли исторических мифов в формировании образа селевкидского правителя и его политики. Для достижения выбранной цели были поставлены следующие задачи: определить признаки, свидетельствующие о мифологическом аспекте политического решения Селевка; провести аналогии данного сюжета с известными типами мифов, распространенными в Средиземноморье и на Ближнем Востоке; исследовать влияние ритуальных практик на формирование данного исторического мифа; выяснить историческую подоплеку рассматриваемого события.

Материалом для исследования послужили фрагменты трудов античных авторов – Аппиана (App. Syr. 59-61), Плутарха (Plut. Dem. 38), Лукиана (Luc. De Dea Syr. 17-18). В своей «Римской истории» Аппиан Александрийский деяния первых Селевкидов описывает в форме краткого, местами фрагментарного, рассказа. Источник характеризуется достаточно высокой степенью достоверности, поскольку опирается на труд Иеронима из Кардии и Полибия. Написанная Плутархом в составе «Сравнительных жизнеописаний» биография Деметрия представляет собой больше художественное, чем историческое произведение. Сама форма – «моралистико-психологический этюд» – позволяла интересно преподнести материал, но автор противоречиво относится к Деметрию Полиоркету; по ходу повествования прослеживается явная тенденция: к концу жизни этого царя его деяния все более облагораживаются, а образ его противника – Селевка – очерняется. Так же как и труд Лукиана, является более поздним источником по отношению к первым Селевкидам. В этих источниках история Стратоники представлена наиболее подробно. Краткое изложение этих событий представлено в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского (Diod. XXI. 20. 1), «Естественной истории» Плиния Старшего (Plin. Maior. VII. 37) и в труде Валерия Максима «Достопамятные деяния и изречения» (Val. Max. V. 7. 3. 1). Примечательно, что история Стратоники в изложении всех этих авторов варьируется, а Лукиан предлагает сразу две версии сюжета. Но никто из авторов не пытается критически осмыслить данную историю. Для понимания исторического контекста были также использованы труды Арриана «Анабасис» (Arr. Anab. VII. 26. 2) и «О событиях после Александра» (Arr. Μετά Αλέξ.), «Стратагемы» Полиэна (Pol. Strat. IV. 9. 2-3), «История» Тацита (Tac. Hist. IV. 84. 5) и «Эпитама сочинения Помпея Трога “История Филиппа”» Юстина (Just. XIII. 4. 17). Кроме того, в рамках исследования привлекались клинописный Цилиндр Антиоха из Борсиппы (BM 36277) и Хроника можжевелевого сада (ВСНР 8).

Теоретическую базу исследования составляют работы, посвященные как правлению Селевка (Смирнов, 2013b; Журавлева, 2009), так и других диадохов (Сивкина, Можеровцева, 2023a). Используются также исследования по мифологии народов мира (Грейвс, 1992; Крамер, 1977), религии (Зелинский, 2003; Фрэзер, 1980) и ритуальным практикам (Випулис, 2017; Емельянов, 2009).

Основными методами исследования являются общеполитические – анализ, синтез, а также специальные методы – историко-генетический, позволяющий установить причинные связи между историческими процессами; сравнительно-исторический, используемый при сопоставлении политики Селевкидов и Птолемеев, ретроспективный метод, позволяющий характеризовать исторические личности и события в их индивидуальности и образности.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты можно использовать в преподавании античной истории, при разработке и чтении курсов по культурологии и мифологии.

Обсуждение и результаты

Изначально мифы являлись лишь отражением действительности, фактически реальностью, но с течением времени они становятся инструментом изменения восприятия окружающей реальности (Лобанков, 2014, с. 58). Для того, чтобы миф закрепился в общественном сознании, ему следует придать литературно-мифологическую форму (структуру сюжета и временные границы), которая воздействовала бы на эмоциональное восприятие населения (Маковская, 2014, с. 79). Устойчивость исторического мифа определяется эффективностью практик его закрепления и реализации. Он закрепляется в текстах, символах и артефактах, связанных с мифом; а реализуется в различных ритуалах, церемониях и обрядах (Смирнова, Леонов, Кириллов, 2022, с. 93-94).

В течение веков сложилась общепринятая традиция рассказывать и пересказывать мифы как творческие истории, оставляя в стороне их исторические корни, а не пытаться понять оригинальный смысл (Обидина, 2016, с. 32). Вполне вероятно, что миф об Антиохе и Стратонике не сохранился бы до наших дней, если бы не выработалась соответствующая литературная традиция, причем не только на древнегреческом и латинском, но и местных языках.

События, подвергающиеся мифологизации, обычно привлекают к себе внимание за счет своей занимательности. В эпоху раннего эллинизма таким экстраординарным событием стал брак сына известного полководца Селевка Никатора Антиоха и Стратоники. Уникальность ситуации заключалась в том, что Стратоника Сирийская была женой Селевка и мачехой Антиоха. Являясь дочерью Деметрия Полиоркета и Филы (App. Syr. 59; Plut. Dem. 32), она, соответственно, приходилась внучкой Антигону Одноглазому (Plut. Dem. 2) и Антипатру (Plut. Dem. 16), двум знаменитым участникам борьбы диадохов.

О ранних годах жизни Стратоники известно очень мало, кроме того, что ее семья была богата и тесно связана с правителями Македонии Филиппом II и Александром Великим. Селевк – один из многочисленных соратников Александра (Diod. XVIII. 3.4; Just. XIII. 4. 17; App. Syr. 53), возвысившийся в ходе войн диадохов, принял предложение отца девушки о браке (Журавлева, 2009, с. 69), тем более, что этот брак должен был скрепить и политический союз ее отца и мужа – участников последних военных действий за раздел державы Александра.

Обычно матримонимальная политика македонских царей преследовала политическую и династическую цели, практически не оставляя место для любовных отношений. Браки македонских правителей, основанные на взаимных симпатиях, были скорее исключением из правил – можно вспомнить отношения Филиппа II и его последней жены Клеопатры или брак Александра Македонского с Роксаной. Но даже эти браки не исключали политического аспекта.

Для Селевка брачная политика служила внешнеполитическим интересам. Примечательно, что его первый брак с Апамой, даже если на момент свадьбы у Селевка не было никаких далеко идущих планов, впоследствии был грамотно использован и способствовал мирному вхождению Бактрии и Согдианы в молодую державу. Брак со Стратоникой был важен, поскольку оставшиеся владения Деметрия граничили на северо-западе с владениями Селевка в Сирии, т. к. Деметрий установил протекторат над Киликией, на юге Сирии ему были подчинены два крупнейших и важнейших города – Тир и Сидон, – а к западу от Сирии он установил контроль над Кипром, который, в случае войны с Селевком, можно было использовать в качестве морской базы (Смирнов, 2013b, с. 89). Царь не вступал более в брак, этого не требовала и его политика: вся деятельность Селевка после войны с Деметрием в 288–285 гг. (Plut. Dem. 44–49; Pol. Strat. IV. 9. 2–3) была направлена на развитие Сирии (Копейкин, 2021, с. 83). Ситуация со Стратоникой интересна тем, что через некоторое время после замужества она вновь вышла замуж, теперь она стала женой Антиоха, сына Селевка.

Источники излагают эту историю следующим образом. После брака Селевка, спустя какое-то время, его любимый и единственный сын Антиох заболел. Поэтому Селевк пригласил во дворец лучших врачей. Но никто, кроме Эрасистрата, известного врача, которому основатель государства Селевкидов платил огромное жалование (App. Syr. 59), не смог определить, что причина болезни – неразделенная любовь. Причем выяснилось, что влюблен он был в свою мачеху (Plut. Dem. 38; App. Syr. 59–61; Luc. De Dea Syr. 17–18). Антиох считал, что «желание его чудовищно, недуг – неисцелим и, словно обезумев, принялся искать способа покончить с собою» (Plut. Dem. 32), поэтому отказывался от пищи, страдал от жара и закрылся в комнате. Конечно, «полюби он какую угодно иную женщину, едва ли стал бы молчать и терпеть до самой смерти» (Plut. Dem. 38). Но Антиох любил своего отца, поэтому «не покусился на злое дело» (App. Syr. 59). Эрасистрат решился, хотя не без колебаний, раскрыть Селевку причину болезни сына. Результатом этой истории стала передача Стратоники Антиоху, «ибо далеко не одно и то же несчастье – потерять жену или сына» (Luc. De Dea Syr. 18).

Примечательно, что у античных авторов можно встретить несколько версий данного сюжета. Например, есть упоминание этого союза в контексте формирования коалиции Селевк – Деметрий, а династический брак рассматривался как важный элемент в сближении лидеров (Diod. XXI. 20. 1). В другой версии излагается именно история любви, в которой подчеркивалась особая роль астролога Лептина (Val. Max. V. 7. 3. 1) или врача Эрасистрата (Plut. Dem. 38; App. Syr. 59–61; Luc. De Dea Syr. 17–18), либо врача Клеомброта (Plin. Maior. VII. 37). Объяснение поступка Селевка у Аппиана трактуется как беспрецедентное и оправданное только тем, что царь не связан никакими законами и обычаями. Именно исключительность ситуации вызывала интерес античных авторов, которые стремились к рациональному объяснению событий. Но когда происшествие или факт имели яркую эмоциональную окраску, как в случае со Стратоникой, стремление объяснить, рационализировать то или иное действие героев порождало, в свою очередь, новую мифологическую традицию.

Допустимо говорить, что богатый мифологический материал, которым обладали народы, входящих в состав державы Селевкидов, тоже оказал влияние на данный эпизод истории. Но мифология скорее служила вдохновением, чем была полностью скопирована.

Для данной истории наиболее репрезентативными являются три религиозно-мифологические системы: греческая, ассирио-вавилонская и финикийская. Это связано с тем, что Селевк и Антиох придерживались греческой религии, при этом жили в Вавилоне. Можно отметить, что некоторые религиозные традиции разных народов имели много общего. После похода Александра и расселения греков на территории восточного региона, люди в местных богах видели аналогии с собственными, а в некоторых случаях имело место искусственное создание синкретичных культов. Так, например, «за Афродитой стоит древнесемитская богиня любви Иштар – Астарты, божественная супруга царя, одновременно царица небес и гетера» (Буркерт, 2004, с. 256). Египетский бог Серапис отождествлялся и с Эскулапом, и с Зевсом, Посейдоном, Дионисом, Юпитером и, конечно, Осирисом (Tac. Hist. IV. 84. 5) (Зелинский, 2003, с. 221).

В Средиземноморском регионе был распространен и миф об «умирающем и воскрешающем боге». Впервые категория умирающего и воскрешающего бога была подробно описана в работе Д. Д. Фрэзера (1980, с. 242) «Золотая ветвь». Такие боги были молодыми мужскими персонажами, чья судьба была связана с богинями-матерями или богинями-девами. Поэтому часто миф выражался в ритуалах священного брака, когда драматически воспроизводились их жизнь, смерть и предполагаемое воскресение. Таким образом, в основе сюжета супруг или возлюбленный богини страдает, умирает и воскресает (Емельянов, 2009, с. 354).

В случае с Антиохом мы имеем дело с аллюзией на такой миф. Так, Стратоника отождествлялась с греческими Афродитой и Артемидой, схожие функции совмещали в себе финикийская богиня Астарты и шумерская Иштар (Циркин, 2003, с. 278). Именно этих богинь касается миф об умирающем и воскрешающем боге. Обряд брака, который заключают Антиох и Стратоника, соединял их, подобно Иштар и ее супруга Думузи (Крамер, 1977, с. 133). К смерти человека-супруга приводит деятельность этих богинь, но его гибель буквально способна разлучить их лишь в случае Афродиты (Грейвс, 1992, с. 50) и Иштар (Крамер, 1977, с. 136), а Астарты сама воскресила своего возлюбленного. Более того, физические страдания испытывал только возлюбленный Астарты, который сам причинил их себе (Циркин, 2003, с. 74). Подобным образом вел себя и Антиох Сотер, отказываясь от пищи, страдая и, фактически, умирая (Plut. Dem. 38; App. Syr. 59–61; Luc. De Dea Syr. 17–18). Последующая передача Стратоники Антиоху, их воссоединение соответствует стадии «воскресения».

Таким образом, не приходится сомневаться, что история в духе широко распространенного мифа должна была вызвать сильный эмоциональный отклик у слушателей. Но не менее важным был и еще один элемент в создании легенды. Поскольку мифы восходят к первобытным временам, то данный сюжет можно трактовать

как отражение обряда инициации – обряда перехода из одного статуса в другой, причем этот переход означает приобретение качественно новых черт, отличных от тех, которыми человек обладал ранее (Шкурина, 2011, с. 62). Действительно, статус соправителя царя отличается от наследника царя, а приобретен он был именно после брака Антиоха со Стратоникой.

Структурно легенда об Антиохе и Стратонике соответствует трехчастной композиции инициации: отделение, испытание, включение (Випулис, 2017, с. 41). Как и его вавилонские предшественники, Антиох во время первого этапа инициации добровольно уединился и закрылся от своего ближайшего окружения. На втором этапе он испытывал физические и душевные страдания, находясь между жизнью и смертью. Затем с помощью врача сыну Селевка удалось восстановить свои силы и, как и его предшественники, он смог взойти на престол. Хотя первобытные истоки мифов, вполне вероятно, уже были забыты, но сохранялись их отголоски в обрядах и культовых праздниках.

Стоит вспомнить, что важными элементами обряда были «священный брак» и участие царя в строительном ритуале. Можно отметить, что в Месопотамии этот культовый «брак» нередко был близкородственным, поскольку верховными жрицами богини назначали дочерей царя (Випулис, 2017, с. 42). В случае с Антиохом и Стратоникой они были не кровными, но все же родственниками. Важно отметить, что отголоски данной мифологической традиции нашли свое отражение и в Цилиндре Антиоха из Борсиппы: «Антиох, великий царь... царь мира, царь Вавилона... кормилец Эсагила и Эзиды, первородный сын царя Селевка, македонянин... я решил восстановить Эсагила и Эзида... вылепил кирпичи... в земле Хатти своими чистыми руками... и принес их для закладки оснований... В 20-й день месяца аддару, в 43-м году, я заложил основания Эзиды... да будет благой (судьба) для Антиоха, царя (всех) стран (и) Стратоника, его супруга, царица...» (BM 36277).

Здесь Антиох использует традиционные царские титулы, обосновывая свою преемственность от вавилонских царей, которые для подтверждения своего статуса проходили описанный выше обряд. Его жена Стратоника отмечена в данном тексте архаичными формами слов супруга (кирту), означающими «равная/любимая жена» и царица (саррату), что является литературной стилизацией, а не обычным титулом царицы в указанный период времени (Kuhrt, Sherwin-White, 1991, p. 77). Если же говорить об описанном выше обряде инициации, то термины «кирту» и «саррату» использовались в сакральных текстах для наименования женских божеств в этот период, и эти термины буквально переводятся «божественная супруга» и «небесную царицу» (Kuhrt, Sherwin-White, 1991, p. 85), что отсылает к роли богини в обряде посвящения. И, таким образом, брак Антиоха намекает на заключение «священного брака».

Строительный ритуал, в свою очередь, был связан с восстановлением городского храма и «кормлением богов» – жертвоприношениями (Випулис, 2017, с. 43), правда не животных и растений, а серебра (ВСНР 8). В Вавилоне и Месопотамии все эти ритуалы происходили во время царского «Священного пути» – водного путешествия по каналу, в рамках которого правитель занимался исключительно религиозными вопросами (Випулис, 2017, с. 43). В свою очередь, сын Селевка в походе-путешествии занимался и светскими вопросами: установил новые монетные типы, подавил восстание и восстановил пришедшие в упадок города (Смирнов, 2013а, с. 200, 202).

Данные факты не просто отражают политическую деятельность Антиоха в качестве соправителя своего отца, но и свидетельствуют о том, что ранние Селевкиды адаптировали древний сюжет для создания благоприятного политического образа своей династии.

Хотя данные сюжеты удалены друг от друга во времени и пространстве (Емельянов, 2009, с. 361), тем не менее все люди понимали сакральный характер этих мифов, и используемые в них образы и аналогии не нуждались в пояснении. Более того, в сознании древних греков новые верования не стирали то, что было до них: старое либо интегрировалось в новое, либо они сосуществовали бок о бок (Доддс, 2000, с. 260). Поэтому сюжетные элементы легко могли смешиваться между собой. Например, только у Лукиана присутствуют две версии этого сюжета, что свидетельствует о широком распространении и вариациях мифа.

Поскольку данный миф, с одной стороны, имеет прямое отношение к определенной царской династии, а с другой стороны, базируется на трех религиозно-мифологических традициях, то, вполне возможно, целью его создания являлось скрепление разноплановой в этническом отношении державы. Стоит вспомнить, что исторические мифы призваны обеспечить различные социальные группы смысловым содержанием, причем это особенно актуально во времена потрясений и кризисов (Женин, 2021, с. 12). При этом Селевкиды не были первопроходцами в данном деле, а продолжали политику «слияния народов» Александра Македонского. Но селевкидская модель сближения имела много общего не с идеями Александра, а с мероприятиями Птолемея.

Правители Египта в рамках своей политики, направленной на создание сильного эллинистического Египта, создали и поддерживали синкретический культ Сераписа. По замыслу создателей этот культ должен был быть понятен и близок и грекам, и египтянам. Поэтому облик бога, традиции и ритуалы включали в себя греческие и египетские элементы, что должно было сблизить население на почве поклонения этому богу и способствовать укреплению центральной власти (Сивкина, Можеровцева, 2023а, с. 78-79). Например, миф о волосах Береники имел аллюзии на египетский миф об Исиде и Осирисе (Сивкина, Можеровцева, 2023б, с. 116).

Заключение

Таким образом, рассмотрев историю брака Антиоха и Стратоники, можно отметить, что все источники фиксируют один исторический факт – Селевк передал свою жену сыну. Предыстория заключения этого союза,

изложенная античными авторами, имеет сходство с популярными мифологическими сюжетами и ритуальными обрядами, что позволяет говорить об искусственном происхождении данной легенды.

С одной стороны, мы не можем с уверенностью утверждать, была ли здесь политическая подоплека или только любовная история. Но решение Селевка о передаче своей жены сыну необходимо было грамотно обосновать. Вполне вероятно, правитель воспользовался инцидентом, предложенное объяснение его шага органично влилось в политику консолидации общества.

С другой стороны, поход Александра, грандиозные перемены в жизни людей на Западе и на Востоке, культурные этнические контакты создали благоприятный фон для расцвета новых мифов, главным образом, об исторических деятелях той эпохи. Поэтому и о самом Селевке Никаторе уже формировалась мифологическая традиция (Сивкина, Гусева, 2024, с. 209), которая затрагивала и членов его семьи. Вполне вероятно, что Селевк нашел удачное обоснование для своего поступка, используя общий для многих народов и интуитивно им понятный тип сюжета. История любви, нашедшая параллели в религиозных представлениях разных народов, входивших в состав его державы, быстро распространилась и, вероятно, приобретала местный колорит. А позднее появилась литературная обработка, сохранившаяся до наших дней.

В качестве перспектив дальнейшего исследования можно отметить изучение других знаменитых деятелей эпохи эллинизма в мифологическом контексте.

Источники | References

1. Белов С. И. Соотношение концептов «политический миф» и «исторический миф» // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2018. № 3.
2. Буркерт В. Греческая религия: архаика и классика / пер. с нем. М. Витковской, В. Витковского. СПб.: Алетейя, 2004.
3. Випулис И. В. Царский ритуал древней Месопотамии как инициация // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 6 (80).
4. Грейвс Р. Мифы древней Греции / пер. с англ. К. П. Лукьяненко. М.: Прогресс, 1992.
5. Доддс Э. Р. Греки и иррациональное / пер. с англ. С. В. Пахомова. СПб.: Алетейя, 2000.
6. Емельянов В. В. Шумерский календарный ритуал (категория МЕ и весенние праздники). СПб.: Петербургское востоковедение, 2009.
7. Женин И. А. Исторические мифы и коллективная память в пространстве исследовательских практик // Шаги/Steps. 2021. Т. 7. № 1.
8. Журавлева Н. В. Царский культ в государстве Селевкидов: от Селевка I до Антиоха III: дисс. ... к. ист. н. М., 2009.
9. Зелинский Ф. Ф. Эллинская религия. Мн.: Экономпресс, 2003.
10. Копейкин М. А. Роль брачной дипломатии во внешней политике Селевка I и Антиоха I (308-260 гг.) // StudArctic Forum. 2021. № 2 (22).
11. Крамер С. Н. Мифология Шумера и Аккада / пер. В. А. Якобсона. М., 1977.
12. Лобанков И. Д. От мифа архаичного до мифа современного // Человек. История. Культура. Исторический и философский альманах / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина. Саратов, 2014.
13. Маковская Д. В. Исторический миф и этнический конфликт: теория, методология, технология конструирования // Научная мысль Кавказа. 2014. № 1 (77).
14. Матвеева В. В. Актуальность исторического мифа, в концепции его в современной истории // Инновационная наука. 2019. № 6.
15. Обидина Ю. С. Древнегреческие мифы как исторический источник // Вестник Марийского государственного университета. 2016. Т. 2. № 4 (8).
16. Сивкина Н. Ю., Гусева А. С. Правление Селевка I: становление исторического мифа // Чувства добрые я лирой пробуждал... / под ред. Г. А. Дмитриевской, В. М. Строгоцкого. Н. Новгород: Гладкова О. В., 2024.
17. Сивкина Н. Ю., Можеровцева А. Д. Культ Сараписа в эллинистическом Египте как продолжение политики «слияния народов» // Genesis: исторические исследования. 2023а. № 1.
18. Сивкина Н. Ю., Можеровцева А. Д. Локоны Береники: исторический контекст политического мифа // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики / сост. и гл. ред. А. А. Корнилов; отв. ред. А. А. Соколин. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2023b. Вып. 7.
19. Смирнов С. В. Анабасис Антиоха I // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2013а. Т. 3.
20. Смирнов С. В. Государство Селевка I: политика, экономика, общество. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013b.
21. Смирнова А. А., Леонов И. В., Кириллов И. В. Исторический миф: особенности генезиса, пути «овеществления» и способы реализации. Статья 1 // Человек. Культура. Образование. 2022. № 1.
22. Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии / пер. с англ. М. К. Рыклина. М.: Политиздат, 1980.
23. Циркин Ю. Б. Мифы Финикии и Угарита. М.: АСТ; Астрель, 2003.
24. Шкурина Т. Г. Инициация как социальная практика // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 4 (85).
25. Kuhrt A., Sherwin-White S. Aspects of Seleucid Royal Ideology: The Cylinder of Antiochus I from Borsippa // The Journal of Hellenic Studies. 1991. Vol. 111.

Информация об авторах | Author information**RU****Гусева Анастасия Сергеевна¹****Сивкина Наталья Юрьевна²**, д. ист. н., доц.

^{1,2} Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского;
НОЦ «Славяно-греко-латинский кабинет» Нижегородского государственного
лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

EN**Anastasiya Sergeevna Guseva¹****Nataliya Yurievna Sivkina²**, Dr

^{1,2} Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod;
Educational Center of the Dobrolyubov National University “Slavic-Greek-Latin Cabinet”

¹ anast.gusewa2018@yandex.ru, ² sivkina@imomi.unn.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.09.2024; опубликовано online (published online): 09.10.2024.

Ключевые слова (keywords): Селевкиды; эпоха эллинизма; исторический миф; Антиох I; Стратоника; Seleucids; Hellenistic era; historical myth; Antiochus I; Stratonice.